

Евгения Корешкова Я - Волна. Каскад.

<https://litres.ru/74014686>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды дед рассказал внучке о войне.

Великая Отечественная война врывается в мирную жизнь семьи. Четыре похоронки в дом, и Анна принимает отчаянное решение: приписать себе два года, чтобы идти мстить фашистам.

Она была школьницей — стала радисткой разведгруппы, где до неё не жаловали девушек.

Это книга о победе над страхом, отчаянием, самой судьбой, предлагающей выбор между долгом и жизнью. А еще о взрослении, дружбе, любви, случайных и неслучайных встречах, способности оставаться человеком в нечеловеческих условиях.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Евгения Корешкова

Я - Волна. Каскад.

Глава

Волна-1. Каскад

Светлой памяти моего дедушки
Беляева Александра Ивановича,
участника Великой Отечественной войны
и одного из героев описанных событий
посвящается эта книга.

От Автора

июль 1975 года

Горьковская область,

Воскресенский район

С Победного сорок пятого прошло уже тридцать лет. Пожилой ездовой сельпо, – были раньше такие базы товаров с гужевым транспортом, – везёт на лошади товары в магазин маленькой лесной деревеньки. Июль. Жарко. Дорога пустая, длинная. Тяжело груженная ящиками, коробками и мешками лошадь шла размеренным шагом. С ездовым на телеге – его двенадцатилетняя внучка. Ей, приехавшей в гости в деревню, хотелось покататься на лошадке, а деду надоело вечное дорожное одиночество. Ездовому откровенно скучно и молчать надоело. И они долго разговаривали о самом разном. Двое собеседников с разницей в возрасте полвека с месяцем. Разговор зашел о случайностях и неслучайностях в жизни. В памяти деда всплыла одна встреча на далекой уже войне. Почему он тогда проговорился, не знаю. О тех годах дед не рассказывал никогда, до самой смерти. Упорно молчал и злился, если настаивали. А в этот раз заговорил. Может быть потому, что поведал тогда он не только о себе?

Ту, совсем молоденькую, уставшую девушку в маскхалате звали Анна. Ее имя ездовой запомнил лишь потому, что как у тещи его оно было. Подвез несколько километров, и разошлись их военные пути. А через полтора года война их снова свела, хоть и не сразу узнали друг друга. И встречи те были такими, что дед, опомнившись, взял с внучки слово: чтоб

никому! «Ни-ни! Нельзя об этом, не положено разглашать: И, не дай Бог, еще бабушка узнает, она ж меня...»

А потом его внучка выросла и стала писателем. Однажды в семейном альбоме нашла старую фотографию деда с лошады. Он же всю жизнь с теми лошадьми работал: и до войны, и на войне, и после нее. Вспомнился вдруг тот давний летний рассказ, и дедова тайна, которую она хранила долгие годы... Расспросить бы подробней, сегодняшним, взрослым уже умом, да некого теперь. А тогда мала была, глупа. Стало интересно: кто же она, юная девушка с той далекой войны, о которой дедовская память сохранила только имя? Спросим у нее самой.

Глава1. Черная осень

20 Сентября 1942.

г. Роцинск, поселок Симаковка

Страшный, нечеловеческий вой слышно было еще с улицы. Я, осознав откуда он исходит, невольно прибавила шаг. От калитки уже бегом по ярким кленовым листьям, что за полдня, пока я была в школе, полностью покрыли тропинку. Бросив портфель на крыльце, пронеслась по сениям и распахнула тяжелую, обитую войлоком дверь.

Бабушка сидела у стола, откинув голову назад и выла истошно, с хрипом уже, свесив до полу руку с зажатым в ней скомканным серым листком. Испуганная наша квартирантка – миниатюрная брюнетка с крупными кудрями до лопатки

ток, выбивающимися из-под голубой косынки, Фирочка, как называла ее бабушка, стояла над ней со стаканом воды и не знала, как подступиться. На полу разлилась лужа. Видимо, от одного стакана бабушка уже отмахнулась.

Я замерла на пороге, не решаясь шагнуть дальше. Фирочка услышала, обернулась. Лицо ее, искаженное состраданием, кривилось. Большие, темные глаза подозрительно блеснули.

– Кто? – спросила я, так и стоя у порога.

– Она кричала – Коленька, – жалобно, вполголоса отозвалась квартирантка. – Почтальонка приходила. И вот...

«Ну, да. И чего я, собственно говоря, спрашивала? По маме она бы так не убивалась. Папка же последний сын у нее оставался, старший самый».

– Анечка! – в голосе квартирантки тоже прорывались слезы.

Я вскинула к плечам дрожащие руки с растопыренными пальцами, как бы отгоняя всё и всех. Пятясь, отступила в прихожую. Тетя Фира выскочила следом. Хотя какая она тетя, в тридцать лет?

– Теть Фир, – сразу остановила ее я, – только ты еще не начинай сейчас плакать. Ладно? Только не начинай! Бабушка – это надолго. Теть Фир, мне еще коз нужно подоить, и всё остальное. Мне нельзя пока. Нельзя, – а у самой голос того гляди сорвется. – Ты побудь с ней пока. Мне самой никак, она же еще сильнее начнет.

И, резко повернувшись, метнулась к себе в комнату. Стараясь не слушать жуткий бабушкин вой, быстро переоделась в домашнее и так же быстро выскользнула во двор. Заглянула в открытую дверь хлевушка. Обе козы любопытно высунули головы через переборку. Вода у них была еще не выпита. Значит, до почтальонки бабушка успела их накормить.

Я взяла высокую корзину, грабли и пошла за дом. Там, под кленом, земля буквально устлана яркими опавшими листьями. Я злыми рывками гребла их в кучу и яростно требовала в корзину.

– Папа! Папочка! Ну, как же так?

И уговаривала саму себя:

– Нет. Нельзя. Я уже взрослая. Я даже паспорт на той неделе получила. Мне пока нельзя плакать. Дела еще не переделаны. Ужин не сварен. Свёклу хотели сегодня с одной гряды убрать, чтоб до ненастья.

Я поставила листья козам прямо в корзине и взяла кастрюльку под молоко. Тут хоть камни с неба, а домашнее хозяйство управить надо.

Пока доила коз, квартирантка уложила бабушку в постель и ушла к себе. Бабушка уже не выла, только хрипела сорванным горлом на выдохе, страшно, монотонно. Она совсем терялась под тяжелым одеялом: маленькая, высохшая, седая, опять беспомощная. Сколько времени ей потребуется на сей раз, чтобы хоть немного выправиться?

Я процедила молоко и понесла маленькую кринку в дру-

гую половину дома, квартирантам. Мы уже почти год так делили удой. Там двое маленьких детей. Двухлетний Яша и четырехлетняя Сарочка. Им надо.

Я от порога оголосилась:

– Теть Фир, я молоко принесла.

Пройдя на кухню, поставила еще теплую кринку на стол. Квартирантка встала из-за швейной машины и на правах взрослой подошла, обняла, прижимая к себе. Усадила рядом с собой на диван.

– Ты поплачь, поплачь, милая. Теперь уже можно.

И я долго плакала у нее на плече. Так хотелось вновь стать маленькой. Забраться к папе на колени, уткнуться ему в теплое, родное плечо. Пожаловаться на злого недотрогу-кота...

– Папочка! Ну как же так? Папочка, ты обещал, что вернешься! Мне обещал!

– Мы справимся, Анечка. Мы справимся. В тот раз же справились. За два месяца всего. И раньше справлялись. И сейчас справимся. Так бывает, что человеку ноша уже не по силам. Бабушка, она же старенькая, тяжело ей такое. Вот и не выдержала. Она наладится. В тот раз же наладилась.

В тот раз, это в начале лета, когда пришла похоронка на дядю Федю, среднего бабушкиного сына, хозяина той половины дома, в которой мы сейчас и сидели. То была уже третья черная весть в наш дом.

«В бою за социалистическое Отечество, верный военной

присяге, проявив героизм и мужество, погиб 16 апреля 1942 года. Похоронен: город Ржев, северная окраина, братская могила», – так там было написано. Я смотрела потом по карте, где этот Ржев. Далек!

До этого, еще в сентябре сорок первого, погиб дяди Федина сын – Михаил, мой двоюродный брат. Ему всего девятнадцать было, только месяц успел повоевать. Их в августе вместе с его отцом на фронт провожали. Дядя Федя, он ведь овдовел еще до войны, вдвоем с сыном жили. Так вдвоем и на фронт ушли. Так вдвоем там и остались. На войне. И неизвестно даже, сумеем ли потом съездить туда, где они похоронены И почти сразу за ним, в ноябре, под Москвой погиб дядя Никанор, младший бабушкин сын.

А сегодня – папка, старший и последний. Четвертая похоронка в дом. Тетя Фира успела прочитать и мне шепнуть: 31 июля, под Сталинградом, захоронен у хутора Песковатка.

По мужской линии весь род прервался.

Еще в сорок первом, в августе, бабушка пустила квартирантов в пустующую дядь Федину половину. «Вакуированных», как она говорила. Из-под Харькова.

Тетя Фира – Эсфирь Бергман – с детьми чудом успела загрузиться в эвакуационный эшелон. В последний, удачно ушедший из-под обстрелов и бомбежек. Наша квартирантка искусно шила и строчила вышивку на машинке, которую привезла с собой, ради нее бросив почти все свои вещи. Бра-

лась она за любой пошив и ремонт одежды. Тем и жила. Даже для меня осеннее клетчатое полупальто из маминого перелицевала. И я щеголяла в нем в школе. Десятый класс – это вам не малолетка с бантиками. Я взрослая уже!

Но сейчас я прижималась к квартирантке, как к последнему прибежищу. Больше не к кому. Бабушке не до меня теперь. Завтра мне опять в больницу идти, за рецептом на микстуру успокоительную и за таблетками. Хорошо хоть врач – мамина подруга. Она бабушку давно знает. Придёт к нам на вызов, еще разок ее посмотрит и скажет, что нам с ней делать. Не первый раз уже с бабушкой такое творится. Первую похоронку она еще кое-как вынесла, а потом как пошло... Тяжка для матери такая ноша.

А еще завтра я, хоть и страшно, папину похоронку внимательно посмотрю. Сегодня бабушка ее из рук не выпустит. А может, ошиблись? Может, жив он? Говорят, и такое бывает.

Мама моя, Вера Петровна Ермолаева – врач-хирург. Ушла на войну одной из первых. Через месяц, как всё началось, уже в июле.

Отец больше не уезжал в свои геологические экспедиции искать нефть по тайге и болотам. Он перешел работать в железнодорожное депо. Дочь, то есть я, была теперь на нем. На фронт его не взяли, как ни рвался. Сказали в военкомате, что старше пятидесяти не берут, а ему уже пятьдесят один в сорок первом исполнился.

Я у них с мамой поздний ребенок. Был еще брат, Алек-

сандр, но он утонул в четырнадцать лет. Тогда, далекой поздней осенью, под первый лед речки Банницы провалилась чья-то собака. Он и полез доставать. Собаку вытащил, а сам выбраться не сумел. Мне тогда пять было. Я его только смутно помню. Без него уже выросла. И в сентябре сорок первого я пошла учиться в девятый класс. А теперь уже в десятом.

Вспомнилось вдруг, как тогда, в середине сентября, у нас с папой состоялся серьезный разговор, который я хорошо запомнила.

Подавая дневник отцу на подпись, я знала заранее, что получу взбучку. Три «плохо» за неделю по немецкому языку. Мы всем классом начали бастовать против изучения фашистского языка, хотя до этого бунта было у меня по этому предмету твердое «отлично». Как и по большинству остальных предметов. Оценок «хорошо» немного. Но отличница из меня не получалась всё равно. Ну и ладно. И так сойдет.

Отец, прихватив злополучный дневник, увёл меня в огород, к бане, на скамеечку.

– Запомни, дочка, – сказал он тогда, – язык врага нужно знать в совершенстве. Конечно, сюда, в Роцинск, мы немца ни в коем случае не пропустим, но уметь разговаривать на немецком без запинок ты должна. Вот, как хочешь, хоть наизнанку мне вывернись, а чтоб к следующей неделе ты все это безобразия исправила. И чтоб такого непотребства в твоём дневнике больше я не видел. Маме было бы стыдно за тебя. Иди к квартирантке, она еврейка, у них язык на немецкий

похож очень, и по-немецки она тоже хорошо умеет. Упрашивай, чтоб она тебя учила разговаривать. В школе так не научат. Там только читать-писать да переводить. А говорить – это надо с тем, кто с рождения тот язык знает. Чтоб и произношение правильным было. Мне уже поздно учить, мозги закаменели, а ты еще можешь. Договаривайся, и каждый день с ней занимайтесь между делом, пока она за своей машинкой сидит. И ты рядом с каким-нибудь рукодельем садись. И говори с ней. Много и на всякие темы. Только на немецком. Так что, давай, дочь, не позорь меня такой успеваемостью.

Папа, как работал до войны в геологических экспедициях радистом, так радистом на фронт и ушел. После гибели брата, поздней осенью сорок первого, он достал из стола свой ключ от радиопередатчика. Сам радиопередатчик и радиоприемник, еще в июле сорок первого заставили сдать. Как было написано в приказе: «на ответственное хранение». Простым обывателям это было просто обидно и неудобно. А радиолюбителям-коротковолновикам, как отцу, со своим официально зарегистрированным позывным, такое буквально ножом по сердцу. Словно часть тебя взяли и наживую отрезали.

Осталась только осиротевшая сеть антенн над нашим домом. Да стопка QSL-карточек. Бумажное подтверждение проведенного радиосеанса с другим радиолюбителем. Их присылали по почте. Я любила их перебирать, смотреть картинки, читать чужие позывные.

Принимала радиogramмы от отца, когда он уезжал в экспедиции, лет с десяти. Мы специально заранее оговаривали день и время. Нужную волну я вызубрила наизусть. И научилась уверенно находить ее в оглушающей разногласии эфира. Специально для меня папа вёл передачу очень медленно, даже чрезвычайно медленно, чтоб я успевала принять, а потом сообщить матери, что отец жив-здоров, видел медведя и много белок.

У меня на столе всегда лежал альбомный листок с расчерченной отцом табличкой. Алфавит русский и латинский, напротив – знаки азбуки Морзе и соответствующий каждой букве напев. Да, морзянку учат не тупой зубрежкой, а напеванием. Например: А – Ай-даа: точка-тире. Б – тире и три точки: Баа-ки-те-кут. И так далее. Чтоб удобнее запоминаться. И я уже могла отбить ему ответное: «Все хорошо. Любим. Ждем».

Сначала отбивала морзянку с такими паузами и ошибками, что где-то далеко-далеко в сибирской тайге то улыбающийся, то хмурящийся отец с трудом понимал, что именно ему передают. Потом уже быстрее пошло и понятнее. А потом и вовсе хорошо.

Второй ключ для себя папа собрал сам, отдав мне стандартный, более удобный.

– Ну что, доча, давай всё вспоминать и наверстывать упущенное. Нельзя мне форму терять.

Каждый вечер мы садились за стол друг напротив дру-

га. Один передавал, другой принимал. Потом наоборот. На слух, по стуку.

– Пап, ну давай помедленней, – умоляла его я, чуть не плача, – я не успеваю за тобой.

– А ты успевай! Не ленись. Не маленькая уже. Должен ведь кто-то мне помогать. Не бабушку же мне в пару сажать.

Я обижалась, злилась, плакала, но два часа каждый вечер мы занимались непременно. Два часа морзянки. Два часа разговорного немецкого. Каждый день. Без выходных.

– Вот школу окончишь, будет у тебя дополнительная профессия, – говорил мне тогда папа. – Можно на телеграф работать идти.

А потом отец ушел на фронт. Как он сумел военкома уговорить, не знаю. Конец мая был тогда. Сирень цвела. С большим букетом я папу и провожала. И долго вдоль путей за эшелонном бежала, пока тот из виду не скрылся.

Накануне отъезда папа долго сидел на крыльце с Фирочкой, что-то ей, видимо, наказывая и объясняя. А я, когда могла, подслушивала.

– Что ж, – говорил он ей тогда, – дочери почти шестнадцать уже. Паспорт скоро получит. Самостоятельная, почти взрослая. Не малого ребенка оставляю. А мать-то стара уже, ей самой бы до себя. Ты, пожалуйста, пригляди за ними обеими, Фирочка.

А я обиделась тогда, что не со мной он разговаривал.

Отвоевать ему пришлось всего лишь три с половиной месяца...

Я выдрала с гряды две огромных кормовых свёклины – по одной в каждое ведро, больше не влезало. Нужно было нарезать козам и на вечер, и на утро. Села на краяк возле бани, вытащила из щели в стене тяжелый нож-косарь и начала резать свёклу на пенёчке. Мне было тошно, грустно, тоскливо и немного обидно. Почему же именно бабушка, – единственный родной человек, – вот уже неделю сидит в комнате как чужая? То плачет с причитаниями, то подолгу смотрит в одну точку, ничего вокруг не видя. То начинает собирать у себя с кофты и юбки невидимые никому, кроме нее, соринки. Всё теперь свалилось на меня: и школа, и по дому все дела, и карточки отоварить...

Я со всей злостью воткнула нож в свёклину, как будто в фашиста, и он застрял. Покачала – никак. Вздохнула, взяла полено, стала стучать по рукоятке, вколачивая нож еще глубже, чтоб прорезал овощ-переросток насквозь и высвободился уже.

Несколько отчаянных ударов – и рукоятка сломалась! Обе деревянные щёчки отпали. Одна из них к тому же развалилась пополам. Всё! Теперь этим ножом пользоваться не получится. С грехом пополам, я при помощи того же полена дорезала, а вернее, кое-как нарубила свёклы.

Еще раз вздохнула, посмотрела на короткий хвостик только что угробленного мной ножа с двумя дырками для клёпок вместо нормальной рукоятки. Обтерла темное лезвие тряпичей и, грустная, пошла к соседу.

– Дядь Миш, – позвала я, постучавшись на крыльце, – выйди, пожалуйста, а!?

Пожилой, худой донельзя мужчина, еле слышно шаркая унтами (он носил их круглогодично из-за больных ног), подошел к двери, открыл.

– Нюрась, что-то случилось?

Он всегда звал меня так – странно, с еле слышной смешинкой в надтреснутом голосе.

– Вот, – я со всхлипом протянула ему нож на ладонях.

– От-так пёрышко! – засмеялся он. – Знатный кишкоправ! Ты никак на большую дорогу собралась? Гоп-стопом шалить?

– Ладно тебе смеяться, дядь Миш! Сломался, видишь? Поправить сможешь?

Он принял нож, повертел в тонких, узловатых пальцах, расписанных фиолетовыми наколотыми перстнями.

– А давай-ка сделаем так: оставь пока мне свой шпиллер. И сбегай быстренько до вокзала. Там в буфете погляди Валета. Ты его знаешь – брюнетистый такой, хромой на левую ногу. Скажи ему, чтоб ко мне заглянул.

Я знала, что сосед был совсем непрост, и личности к нему наведывались подозрительные и жутковатые. Он жил один.

Соседка из дома напротив мыла у него полы и стирала белье. Я же ходила для него в библиотеку и в магазин. Самому ему ходить туда было сложно. По дому только, и то с трудом. Брала ему книги по спискам, которые он составлял для библиотекарей мелким каллиграфическим почерком. А читал сосед много и регулярно.

Продукты ему покупала на базаре тоже по списку. И три раза в неделю приносила литровую кринку парного молока и пяток яиц. Иногда яблоки. Он всегда встречал меня с улыбкой, угощал шоколадными конфетами. А в прошлом году сосед целую четверть занимался со мной математикой, когда я пожаловалась, что ничегошеньки уже не понимаю.

Тот же дядя Миша, еще года два назад сказал, чтобы я ходила по городу, никого не боясь – никакой шпаны. А если кто попытается обидеть, говорить ему. Он же посоветовал привязывать коз у него за домом. Никто не тронет. И вправду, не трогали. Хоть на улице что оставь – не возьмут. Словно некая укрывающая тень над нашим домом витала.

Наш Роцинск городом был. Хоть и небольшим. И состоял из двух половин, разделенных узкой речкой Банницей. На том, левом берегу – старый город, а на правом – железнодорожный поселок Симаковка.

В свое время, ещё давно, до революции, местный помещик Роцин (оттого и Роцинск) не разрешил по своей земле железную дорогу вести. Что за вожжа ему тогда под хвост

попала, непонятно. А помещица Симакова, соседка его, разрешила. Бабий ум быстрее выгоду почуял. По ее земле и проложили пути. А станцию Симаковкой назвали, по названию ее села. Мало-помалу поселок от станции разросся и с Рощинском в одно соединился. Но так и остался на языке наш район станционным поселком, хотя по документам уже городом числился.

Через две недели после всех событий я уже решила, что надо сделать.

Дождалась, пока разом постаревшая бабушка прошаркает из дому в баню. Открыла высокий буфет, украшенный вырезанными из дерева маками. За правой дверцей внизу прятались маленькие ящички. Я выдвинула второй, достала красивую жестяную коробочку из-под чая. Открыла сначала верхнюю крышку, потом прищипнув ногтями, подняла вторую, внутреннюю, и достала оттуда толстую, тяжелую золотую цепочку. Отцовская. Он тогда из сибирской экспедиции привез. Опустила в карман. Оглянулась. Закрыла всё, как было. Папа бы понял. Он простил бы. А бабушка если и хватится, так поздно будет меня ругать.

– Дядя Миша, дело есть.

Я положила на стол перед соседом свой новенький паспорт – месяц как получила, и комсомольский билет рядом с ним.

– Вот, – следом ссыпала из кулака цепочку, тускло блестящую насыщенную желтизной с красноватым оттенком.

– И?

– Год рождения мне нужно исправить. На двадцать четвертый. Одну цифирку только. Но в нескольких местах. Вот тут и тут.

– А зачем тебе такое?

– За папку мстить пойду. На фронт, радисткой. За дядь Федю и сына его. За дядю Никашу. Я не могу больше! С бабушкой тетя Фира останется. Она и молоко вам носить будет, и в библиотеку с магазином ходить. Я договорюсь.

– Того ли тебе нужно, девочка?

– Того, дядя Миша. Помогите, пожалуйста. Я ведь почти все умею. И так уже давно умела. Мы с папой тренировались. И сейчас я каждый вечер скорость нагоняю.

– Ну-ка изобрази.

Я, глядя соседу в глаза, отстучала по столу костяшкой пальца стремительную длинную трель.

– Неплохо, – отозвался сосед. – Ловка, шельма!

И вздохнул:

– Неправильно бы это. Но ладно, оставляй.

Он задумчиво пошевелил указательным пальцем цепочку:

– Непростую ты цацку принесла. Будет тебе, что ты хочешь. Только чтоб молчок!

– За кого ты меня принимаешь, дядь Миш?!

Глава 2 .Военкомат 12-20 октября 1942.

г. Роцинск, поселок Симаковка

Сегодня бабушке было, кажется, получше. Хотя, как посмотреть. Она не выла с утра, сидела тихая, молчаливая и пряла. Сама достала из чулана древнюю прялку. Донце, как она говорила. На то донце садились и привязывали к нему свернутую пушистым комом овечью шерсть. Из нее, черной и пряно пахнувшей, и тянула бабушка ровную нитку. Быстро крутилось послушное, отполированное пальцами темное веретено. А потом она в клубок пряжу сматывала.

Я тоже умела прясть. То есть, как умела? Вот так, сразу двумя руками, как у бабушки, у меня не получалось. А по очереди, сначала вытянуть, а потом скрутить и намотать, так могла. Нужда пристигнет, сделаю. А у бабушки руки жили своей жизнью, отдельно от головы. Вот она и пряла. Извела уже почти все запасы шерсти. Нужно будет успеть еще ей купить побольше. Пусть занимается. Я уже знала, что, когда бабушка заполнит всю корзинку плотно смотанными клубками, она сядет вязать. Носки или варежки. Как и в те разы было. – Это – Феденьке, – бормотала она, поглаживая очередные готовые мужские носки с двумя светлыми полосками поверху. – Это Коленьке. А Мишенька любит беленькие носочки, ему завтра свяжу. И она вязала почти в фабричных масштабах.

Мы эти носки потом с Фирочкой продавали на привокзальном рынке. Хорошо брали. Я бабушку недавно попроси-

ла, нарочно подсунув готовые уже нитки, чтобы она связала и на мою ногу две пары. Короткие, стандартные и длинные, почти до колена. Бабушка и связала. Мне пригодятся.

Я принесла дяде Мише кринку молока, с теплой терракотовой глазурью крутых боков, накрытую вдвое сложенной марлечкой. Постучалась. Дядя Миша позвал, сам не показываясь:

– Заходи.

Я прошла на маленькую кухоньку, поставила на стол молоко, аккуратно выложила в миску яйца из кармана. Дядя Миша любил их пить сырыми. И уже с кухни, отодвинув зеленую ситцевую занавеску, плечом вперед, – к нему в комнату.

Дядя Миша, видимо, опять чувствовал себя неважно, что бывало с ним нередко. Он сидел на диване, кутаясь в полушубок, и читал книгу. Одну из тех, что я принесла три дня назад.

Сегодня дядя Миша отдал мои документы. Я, любопытствуя, сразу же глянула. Удивительно! Не знай я заранее, что цифра должна быть другой, ни за что бы не догадалась. Во все не заметно. Это же надо так уметь! И вот здесь еще. Дата выдачи тоже сдвинулась на два года назад. – Спасибо, дядь Миш! – Глупая ты, Нюрань, – не разделил моей радости пожилой, уже очень мудрый мужчина. – Но что с тобой поделаться, с настырной? Молодежь, она во все века такова была:

сначала делают, потом думают. Но в том ваша азартная сила и есть. На молодых плечах атака стремительней. Пока сама, собственной шкуркой не прочувствуешь, всё равно ничего не поймешь.

Он вздохнул, натужно закашлялся, помолчал. Я тоже молчала возле него, прижимая к груди свои старые-новые документы. Комар носа не подточит.

Потом он поинтересовался: – Когда собралась? – А вот завтра в райком комсомола за характеристикой и пойду, – решительно заявила я.

В райкоме комсомола не удивились. Нас, таких, наверное, много приходило к ним: так же, как и я, робко, бочком, входивших в тяжелую, красивого темно-вишневого цвета дверь со старинной ручкой. В этом двухэтажном здании я уже была один раз, когда нас в комсомол принимали. Сегодня я волновалась не меньше.

Из школы рекомендация у меня была. Комсорг нашего класса, а заодно и школы, Димка Семенов, помог. С него я предварительно взяла нерушимую в наших кругах клятву на крови. А уже потом рассказала о своих намерениях, естественно, умолчав о подделанных документах. Он сначала удивился, почесал в затылке. А потом размашисто подписал мной самой на себя сочиненную рекомендацию. И глаза у него при этом загорелись завистью и решительностью. Вот ни разу не удивлюсь, если он за мной следом пойдет штур-

мовать военкомат.

А поход в тот самый военкомат пришлось отложить до среды. По добытым мной сведениям, именно на эту среду туда вызывали очень многих. Что и медкомиссия сразу там будет. Это мне тихонько проболталась соседка по парте Манька, мать которой эти извещения и разносила. Она, очень устав кружить по улицам нашего не такого и маленького Роцинска, вечером пожаловалась дочери. Вызывают народ неспроста. Значит, в среду и нужно идти.

Собиралась я тщательно. Сняла с вешалки и примерила мамин коричневый пиджачок от костюма. Он мне был великоват, но, если на последнюю, нарочно горячим шилом прожженную дырочку затянуть широкий матерчатый пояс с большой прямоугольной пряжкой, выглядело всё почти сносно и солидно. Да и клетчатая моя юбка к нему подходила. А вот все мамины юбки были мне велики. Зато ее кожаные ботиночки на каблуке – почти впору. Шнурки только потуже затянуть.

На лацкан того парадного пиджачка я прицепила сразу два значка, которыми очень гордилась. Комсомольский и ГТО, причем, не какой-нибудь, а Золотой. Еще весной нормативы сдала, кстати, взрослую норму, которая с шестнадцати лет. А ведь шестнадцать мне исполнилось только в сентябре. Но хотела я тогда всем мальчишкам доказать, что не хуже их всё могу и умею. И доказала. Хоть и выложились тогда полно-

стью – еле-еле в себя пришла потом.

Все свои документы и направления я сложила в мамин же блестящий черным лаком ридикюль: «Прости, мамочка, но мне нужно выглядеть представительно. Я потом всё на место положу. Ты и не узнаешь».

В таком парадном виде я и нагрянула к Фирочке с просьбой по-взрослому, красиво уложить мне волосы, забрав их назад и вверх сразу несколькими заколками.

– Какая ты взрослая, Анечка! – всплеснула она руками, взглянув на результат своих стараний.

И заплакала.

А мне и нужно было выглядеть как можно взрослее и хоть немного, за счет каблуков и прически, повыше.

Я подошла к зеркалу. Оттуда на меня глянула мелкая, тощая, но уже вполне себе барышня. Светло-русые, так-то до плеч, волосы уложены красиво. Дети так не носят. Голубые глаза из-под светлых бровей горят азартом. Узкое лицо с высокими скулами. Я потерла щеки ладошками – румянец нагнать.

« Щурёнок натуральный. Не совсем солидно смотрюсь, как хотелось бы, но, может, сойдет»?

В коридоре военкомата было тесно от народу. В основном – мужчины разного возраста, хотя встречались и девушки. И все они были старше меня. Значительно. А фигурки эти девушки имели очень даже округлые и хорошо так выпуклые,

где нужно.

Я попыталась еще больше выпрямиться до состояния звенящей струнки, старательно отводя плечи назад. Зря. Грудь у меня от этого совсем не увеличилась, увы. Осторожно прижимаясь к стенке, я крутила головой, приглядывалась и прислушивалась, пытаюсь определить, что к чему.

Я еще не знала, как мне быть. Насколько я поняла, принимали сразу в трех кабинетах кроме сотрудников военкомата, специально приехавшие к нам в Роцинск военные.

С самого начала я обречённо поняла, что быстро мне через такую толпу никак не пробиться. Тем более что, у всех были эти бумажки, по которым их вызывали, а у меня – нет. Добыть бы такую!

Я вздохнула в очередной раз, после чего прижалась к стене и всерьез взгрустнула. Драгоценное время шло и шло, а я так и не придумала ничего умного и победоносного. Выходит, зря школу прогуляла? Труба отопления, которой я коснулась вспотевшими от беспокойства ладошками, оказалась уже почти горячей. В военкомате топили, не жалея. Та труба шла вдоль всего коридора, поворачивала под прямым углом и скрывалась в стене, за которой в ряд и находились вожде-ленные кабинеты – все три. В какой именно мне нужно попасть, я не знала. Стояла расстроенная и растерянная. Спросить бы тех, кто уже там побывал. Нельзя мне уйти отсюда ни с чем!

Пришлось достаточно долго самой себя успокаивать. И

вдруг меня осенило.

«Да! Это – то самое, что мне нужно! Это шанс! Мой шанс!»

Я зашарила в сумочке и добыла из бокового кармашка пятакопеечную монетку. Вдохнула. Выдохнула. И решительно стукнула монеткой по трубе отопления, начав отбивать сообщение: «Всем, кто меня слышит. Я здесь. Я готова. Возьмите меня на фронт радистом. Я всё умею». Отбила последнее завершающее «СК» то есть – «связь кончаю». Еще раз вдохнула-выдохнула. И начала передавать сообщение по новой. Если среди тех военных есть радист, он меня поймет. Если, конечно, он там есть...

Я не торопилась, не гнала передачу даже до половины моей привычной скорости, не знала же, насколько быстро может вести прием незнакомый мне, возможно присутствовавший здесь радист.

По трубе морзянку слышно далеко. На меня оглядывались окружающие. И даже угрожающе шикали. Мне было на всех пофигу. Я вела уверенную передачу. Меня должны были услышать! И они обязательно услышат мою просьбу!

После моего четвертого захода, дверь одного из кабинетов распахнулась, оттуда вышел высокий военный с седыми висками и внимательно оглядел собравшихся в коридоре. Меня за спинами мужчин он отыскал не сразу. А обнаружив, поманил за собой в кабинет. «Ура! Он меня услышал! Теперь я с них с живых не слезу, пока своего не добыю!».

– Ну, – он внимательно, изучающе и вроде бы даже не сердито осмотрел меня, – рассказывай, откуда ты здесь такая изобретательная взялась? И я рассказала. И еще раз показала, как могу, теперь уже скорость не сдерживая.

Домой я возвращалась вприпрыжку, дважды чуть не подвернув ногу на маминых каблуках. Дядя Миша, увидев меня из окна, постучал изнутри в стекло и махнул рукой, приглашая зайти. – Если судить по твоим горящим глазам, добилась-таки своего? Я утвердительно покивала, счастливо улыбаясь. – Завтра вечером, в семь, к московскому поезду с вещами. Сначала, сказали, на курсы радистов, доучиться, а потом на фронт. – Бабушке скажешь? – Скажу: учиться поехала. Не совру ведь. А остальное ей знать зачем? – В чем едешь? – А в этом пальто и поеду. Оно красивое и теплое. Только ботинки свои надену. Эти – мамыны, они на каблуках, не подойдут. – Завтра утром зайди ко мне. Какой размер обуви носишь? – Тридцать восьмой, – не совсем понимая для чего это нужно соседу, ответила я.

– Попробую сапоги тебе раздобыть. Дело к холодам. Околеешь ты в своих ботиночках. Портянки умеешь мотать?

– Умею. Папа учил.

– Ну и хорошо. А теперь ступай. Я лягу, отдохну. Знобит меня сегодня что-то.

– Может, лекарства какого нужно? Давайте, сбегая, – забеспокоилась я.

– Нет, Нюраська, не беспокойся. Это уже не лечится. Отлежусь и буду завтра как новенький.

Дел было много. Собрать вещмешок. Напечь сама себе лепешек-подорожников. «На половине у тети Фиры печь буду, чтоб у бабушки вопросов не возникало. Ни разу сама не пекла, но бабушке помогала часто. Значит, испортить продукты не должна. Всё получится. Наверное».

Полезла в папин дорожный сундучок. Почти со дна добыла две пары зимних портянок из темно-синей фланели.

Страшно ехать. Одной. С незнакомыми людьми. А надо. «Всё правильно. Надо. Ведь настоящие герои никогда не трусят? Я постараюсь не труснуть. Не подвести папу».

Еще смену белья. В вещмешок. Старый очень, штопаный уже не раз, совсем небольшой, папин. Из экспедиций. С большим и новым он сам на фронт ушел. Я помогала ему собираться и помнила, что он брал в дорогу. Это же положила и себе: кружку, ложку, небольшой ножик-складничок, портянки и теплые бабушкины носки. И варежки еще. Зима скоро.

«Лепешечек целый противень возьму и яиц наварю в дорогу».

Сапоги, что спроворил мне дядя Миша были шикарными! Черные, хромовые, пахнувшие ваксой. Они были мне немного велики, но с портянками сели на ногу идеально. Красотища!

– Ой, дядя Миша, а сколько я денег должна буду тебе? – спохватилась я.

– Выдумала тоже! Давай, сейчас начнем долги считать. Кто, кому, сколько должен. Может статься, что я тебе. Сам-то я уже давно не вояка, а отпор этим гадам дать нужно обязательно. Будь, девочка, хоть еще одним малым камешком на их дороге.

Он вздохнул и спросил:

– Что с собой берешь?

Я перечислила.

– Понял. – сказал дядя Миша.

Когда ходики сдвинули стрелки к нужному времени, я была уже полностью одета и обута. Завязывая вокруг шеи темно-коричневый шерстяной полушалок, окликнула бабушку, вновь сидящую за пряжей.

– Баб, я поехала.

Она только головой мне покивала. Даже обидно немного стало. А Фирочка обняла меня на крыльце, расплакалась и велела писать чаще и подробнее. Провожать не пошла – детей не с кем оставить. Плакать – это она зря взялась. Потому что и у меня в носу сразу защипало, губы задрожали. Пришлось побыстрее отвернуться, и я, придерживая лямки вещмешка, зашагала к вокзалу, всё прибавляя шаг.

На мое удивление, ко второй платформе был подан не пас-

сажирский, а товарный поезд – вагоны-теплушки с тесовыми нарами внутри вдоль стенок, с дымящими над крышами железными трубами печек-буржук. Я показала военному в начале перрона свои бумаги. Он сверился со списками и махнул рукой куда-то вдоль перрона:

– Шестой вагон. Поторапливайся.

Я и поторапливалась, одиноко пробираясь сквозь плачущую, поющую и обнимающуюся толпу к нужному вагону. Меня не провожал никто. Я уже почти дошла – передо мной был седьмой вагон, если верить намалеванной большой кривоватой цифре на его боку. Мой – следующий.

– Куда прешь? Эй, ты! – послышалось сзади.

Кого-то пытались остановить.

– А ну, пропустите, ироды! – взвился сзади нахальный, знакомый голос, – мне племяшку проводить надобно.

Я обернулась. Хромая больше обычного, меня догонял дядь Мишин знакомец, Валет.

– А ну, стой! – крикнул он уже мне. – Анютка, стой.

Я остановилась. Валет как-то очень быстро оказался рядом. Подмигнул мне своим прохиндейским темным глазом и сразу потянул с плеча новехонький, приличных размеров вещмешок.

– Еле догнал, – рукавом пиджака вытер он пот со лба. – Вот, дядя Миша передать тебе велел.

– Так у меня же есть.

– И шо то за сидор у тебя?! – возмутился Валет. – Сле-

зы кошачьи! – и дернул мой вещмешок за ляжку, стаскивая. Потом он решительно затолкал мою неказистую поклажу внутрь своего и подал, надевая мне на плечи. Я даже охнула невольно. Груз оказался весьма увесист.

– Вот так. Так правильно будет. Ну, будь, племяшка! – коротко и весело хохотнул Валет, выделяя последнее слово. Он вновь хитро подмигнул, хлопнул меня по вещмешку и ловко так, несмотря на хромоту, ввинтился в толпу.

В теплушке мне удалось занять место на втором ярусе, но зато недалеко от буржуйки. Значит, будет не холодно. Меня позвала туда к себе настоящая красавица: фигуристая, пухлая брюнетка, которая представилась Машей. Уже проще. Теперь мы ехали в эту таинственную радиошколу, по крайней мере, вдвоем. Из вещей у Маши – только большой узел из шали. Она развязала свой багаж, как только мы тронулись. Внутри лежала смена белья, каравай ржаного домашнего хлеба, те же вареные яйца, тетрадка со вложенным в нее карандашом. «А я тетрадку не взяла»!

– Будешь? – предложила она мне своей еды.

– Не, у меня есть, – отказалась я.

Вытащив собственный вещмешок из большого дареного, заглянула в недра доставшегося мне подарка. Вот это да! Дядя Миша постарался. Две палки твердой копченой колбасы, большой шмат сала, завернутый в шершавую от соли холстинку, большая фляга. Открыла, понюхала: вода. Сама-то, не догадалась воды в дорогу взять. Вот, растяпа! Жестяная

коробочка с чаем. Кулек с конфетами-подушечками. Баночка с солью. Коробок спичек, три толстые свечи. Пачка махорки... (Ее-то зачем? Я же не курю! Вредно это.) Синий сатиновый мешочек с сахаром. Три банки свиной тушенки. Две банки рыбных консервов. А еще – большой мешочек с аптечкой: йод, зеленка, три бинта, большая упаковка ваты. «Где они столько всего достали? Ведь карточки же! Кружка, миска, ложка. У меня и свои есть! Ладно, Маше отдам, у нее нет.»

Немного подумав, я переложила свои вещи в большой вещмешок, а маленький отдала Маше. Удобнее же, чем с узлом ходить.

Мы вскипятили себе чаю сразу в кружках на буржуйке. Мужчины нас похвалили: молодцы, девчата – запасливые. Потом перекусили яйцами с хлебом, потому что они меньше всего лежат, попили чаю. И я завалилась спать. За прошедший день так устала, что с ног валилась, к тому же разморили еда и тепло.

В нашем вагоне оказались еще трое парней, направленных туда же, куда и мы. Маша отправилась с ними балагурить и знакомства наводить. Мне было не до того. Под их разговоры и хихиканье я укрылась своим пальтишком, сунула вещмешок подальше к стенке, намотала на руку ляжку, чтоб не сперли (хотя здесь вряд ли, но все же...) Я проспала на голых досках всю ночь беспробудно.

Утром, только чуть рассвело, меня разбудил мужчина снизу. Поезд стоял, и дверь вагона была открыта.

– Дочка, ты проснись, – аккуратно потряс он меня за плечо, – станция большая, стоять долго будем. Может оправиться хочешь, так беги, пока можно.

Мы с Машей и побежали – вчерашний чаек уже просился наружу. Побегали-побегали вдоль путей – везде народ. В конце концов, плюнув на все приличия, присели на рельсах между вагонами.

Стоял наш поезд и в самом деле долго, больше получаса. Кто-то принес ведро воды, и все, у кого были кружки, вычерпали его почти досуха.

На соседний путь встал пассажирский поезд, следовавший в том же направлении, что и наш – на запад. Его-то мы и пропускали. Суета высадки-посадки пролетела быстро. Народ поразбежался. Поезд все еще стоял. И вдоль вагонов, внимательно тот состав осматривая, мимо нас прошел военный патруль. Я уже собралась забраться обратно в теплушку, когда мое внимание привлек звонкий, отчаянный мальчишеский крик. Я посмотрела. Через вагон от нас патруль вытаскивал из ящика, что под вагоном, мальчишку, а тот упирался, тщетно цеплялся руками и кричал:

– Отпустите, гады! Отпустите!

Его сопротивление смяли довольно быстро и, взяв за шиворот грязного ватника, повели в мою сторону. Один дер-

жал, двое шагали по бокам, конвоируя. А мальчишка продолжал кричать:

– Пустите! Пустите! Мне на фронт надо! Неужели не понимаете? Мне обязательно нужно! На вид ему было лет двенадцать-тринадцать, вряд ли больше. Грязный, отчаянный, он то и дело пытался вырваться. Я увидела, как он быстро расстегивал одной рукой пуговицы ватника – еще чуть и рванет, оставив одежду в руках конвоя. Я уже это явно представила. Вот сейчас! Но в последний момент конвоир, видимо, почувствовав неладное, другой рукой сгреб мальчишку за темные растрепанные волосы. Будь тот покороче пострижен, фокус бы не удался. Но не повезло. Мальчишка уже понял, что не вырвется, взвыл надсадно, отчаянно... и расплакался. Совсем по-детски. В два ручья. Зажмурились и открыв обиженно перекошенный рот.

Я услышала, как ему выговаривали:

– Отправим в детдом. Рано еще тебе воевать. Слишком рано. Развелось вас, таких зайцев безбилетных! Чуть не с каждого эшелона снимаем. Не дергайся!

Я полностью была на его стороне. Я сама так же рвалась на фронт. Вздохнув, я вернулась в теплушку и, печальная, залегла на своем месте. Вот так. Бедный мальчишка!

Позавтракали, и я снова завалилась спать.

– Вот глядите: правильная деваха. Знает, что нужно впрок спать, пока можно, – заметил опять же он, усатый мужчина

снизу.

Ему-то я и отдала свою махорку. Как же он обрадовался!
А мне-то она зачем?

Глава 3 Радиошкола

октябрь 42 – январь 43г.

г. Горький, Сормово,

ул. Коминтерна 175

40 ОЗРБ

На место мы приехали уже почти в сумерках. Поезд остановился на большой станции.

– Кому до Горького – выгружайтесь! – зычно кричали снаружи.

Мы и сошли. На перроне эшелон встречал похожий на жердь, нестарый еще военный в шинели. Всего нас выгрузилось восемнадцать человек: и парни, и девушки. И я среди них – самая невзрачная. Этот военный увел нас с перрона к глухой кирпичной стене какого-то здания и велел там подождать: – Скоро еще один эшелон придет, через полчаса примерно. Вот вместе вас соберу и отправимся. При этом он в словах так отчетливо наворачивал на «о», что многие девушки засмеялись.

А он и обиделся:

– Чего зубоскальничаете? Чай, не в цирке?

И ушел, а мы остались ждать. Не было его гораздо дольше, чем полчаса, но в конце концов он вернулся и привел с собой

еще одну группу молодежи. В итоге нас получилось человек под сорок или чуть больше. Я не считала, но, словом, много. С грехом пополам, ругаясь от нашей непонятливости, он построил нас в колонну по четыре и повёл с вокзала.

Двигались мы на запад, а вернее на северо-запад. Это я знала точно. Потому что умела направление навскидку определять. Меня папа учил. Еще маленькую. Говорил закрыть глаза и вёл куда-то за руку. Потом несколько раз крутил и опять вёл. А потом велел открыть глаза и сказать, где какая сторона света. Сначала солнечным днем, а потом и по ночам, и в пасмурную погоду. Папа меня хвалил. Он говорил, что компас в моей голове присутствует и настроен правильно.

Какой, оказывается, большой город – Горький! Мы идём-идём, а он все не кончается. И дома высокие. Нас то и дело обгоняли машины: грузовики и легковые, а мы всё топали вдоль обочины. И никому нет дела, устал ты или нет. Не отставай и строй не путай!

Наконец мы остановились перед большим красивым зданием из красного кирпича с белой отделкой. Оно было угловым – сразу на две улицы раскинулось. И я никак не могла определиться: четыре этажа считается, если один полуподвальный или три? Решила считать, что четыре, потому что окна нижнего этажа, большие такие, с полукруглым верхом, смотрятся очень солидно.

– Вот и прибыли! – объявил наш провожатый.

При оформлении нас, девчат, отделили от парней, но Маша уже успела познакомиться с одним, таким же, как она – смуглым и улыбочивым.

А потом была баня. Сначала парни мылись, а после них мы. Перед баней нас всех проверили на вшивость. Я не боялась проверки. У нас дома никогда такой живности не водилось. Ну, как никогда, приносила я несколько раз из школы, и мама немедленно их истребляла. Но здесь нам сказали, что мы могли подцепить их в поезде. Вот тут-то у меня голова и зачесалась! Как представила, что чужие насекомые по мне голодным табуном бегают – жуть!

У четырех девушек оных квартирантов обнаружили и сразу же остригли их под машинку наголо. А волосы в ведро собрали и сказали, что сожгут. И они, все четверо, тихо плакали по своим драгоценным косам. Многие девочки в общей бане не мылись никогда и очень стеснялись раздеваться при посторонних.

После бани выдали нам военную форму. И шинель. Вот ужас! Велико же всё. Только сапоги я свои оставила – внаглую. Они были значительно лучше. И по ноге. Про форму-то сказали: не без рук, ушьете по себе сами.

Казарма оказалась очень большой и то ли какой-то необжитой, то ли слишком казенной. По крайней мере там, куда нас поселили, вместо кроватей просто двухярусные тесовые нары. Хорошо, хоть струганые. И никаких постельных принадлежностей – голые доски. Вот это да! Сказали:

– Всё потом, а пока ночуйте так.

Я долго возилась на своем втором ярусе, подложив под голову вещмешок, укрылась недавно выданной шинелью, ее же под себя подстелив. А рука сама собой все равно то и дело лезла в волосы. Мне до сих пор казалось, что там ползают не найденные при проверке вши.

Другие девушки тоже возились, вздыхали. Кое-кто тихонечко плакал, наверное, думали, что никто не слышит. Сказали: две недели карантина, и с посторонними, кроме нашей группы, не общаться.

На зарядку нас подняли затемно. Я проснулась сразу, потому что всегда спала очень чутко, а некоторых девушек будили. Верхнюю одежду нам не велели надевать.

Поначалу показалось, что холодно. А когда пробежали несколько кругов, написедались, руками-ногами намахались, и жарко стало.

Потом я два дня температурила и еле двигалась. Да и остальные наши девушки чувствовали себя не лучше. Это из-за прививки, которую нам, вновь прибывшим, закатали под лопатку. Но всё проходит, прошло и это.

Нашу группу назвали взводом, и началась учеба. К моему стыду, я совершенно не разбиралась в военных званиях. Хорошо, что нам повесили плакат, и можно было всё выучить. А учились мы много и интенсивно. До двенадцати часов ежедневно. Мы привыкали к дисциплине, к здешним порядкам, спотыкаясь на незнакомых правилах и получая взыскания.

Кстати, наряд вне очереди я получила одной из первых. От инструктора по радиоделу. Он стоял перед нами весь такой тонкий, того гляди переломится. У него все черты были тонкими: тонкие ниточки темных бровей вразлет, тонкая полоска усов над тонкими же губами, и нос тоже тонкий, острый, и пальцы длинные и тонкие.

Первое его занятие я высидела нормально. Инструктор вещал нам об истории возникновения радиосвязи. О Самюэле Морзе и о том, что прошло уже почти сто лет с момента отправления первой радиограммы, а вернее, без двух лет сто. На следующих занятиях я уже откровенно заскучала, как и некоторые другие – я же видела. Группу почему-то не разделили по уровню знаний. Просто начали всё с нуля, даже для тех, кто умел работать на ключе.

Я сидела и с интересом смотрела в окно. Там две вороны дрались за какую-то добычу, и побеждала одна, у которой в хвосте не хватало перьев. – Курсант Ермолаева, – услышала я грозное над своей головой и подскочила, вставая. – Повторите, пожалуйста, о чем я сейчас говорил. Если бы я слышала, о чем он говорил! Знала, что алфавит изучали, как звучит и соответствующий ей напев, чтоб легче запомнить. Вторую группу, кажется. А на какой букве они остановились, бог весть...

Поэтому я попыталась ответить завуалированно: – Об алфавите говорили, как какая буква пишется и напев.

– Курсант Ермолаева, вас сюда собрали, чтоб учиться радиоделу или ворон пересчитывать за окном? – Учиться. – тихим эхом повторила я.

– И как, я вас спрашиваю, вы собираетесь работать, если не будете знать элементарных азов?

– Но я давно помню азбуку Морзе, товарищ инструктор. Мне быстрее на фронт нужно. И многому еще научиться надо. А мы тут как первоклашки на буквах топчемся. Только время зря теряем. Я же умею работать на ключе. Я передаю без ошибок до тридцати...

– Вот! – сразу же зацепился он, обрывая меня. – Тридцать! Всего! А нужно по крайней мере сто! Слышишь, Ермолаева! Сто! А не тридцать. Есть разница?!

Я как представила такую скорость – сто групп, а в каждой группе пять букв, со всхлипом вдохнула и немедленно ужаснулась вслух: – Но это же нереально, товарищ инструктор! Совсем никак. Еще пятьдесят, может, чуть больше при хороших тренировках, куда ни шло. Но сто! Это... – мне дыхания не хватило, и я осеклась.

– Так! – зло отчеканил инструктор. – Курсант Ермолаева, за нарушение дисциплины занятия и пререкания с преподавателем – наряд вне очереди. На кухню! Немедленно! Марш! Я вскинула подбородок и вышла из класса ровным шагом, прямая, словно палку проглотила, обиженная и гордая.

На кухне было горячо в прямом и переносном смысле.

Мало того, что готовили на всю радиошколу, так еще и квасили на зиму капусту. Сколько бочек нужно было заполнить той рубленой капустой, не знаю, много, короче. А сделано еще меньше половины, если пустую тару считать. И вилок, тугих и увесистых, в углу целая гора высилась.

К одному из таких деревянных корыт меня и поставили с острой сечкой на длинной деревянной ручке. Работа привычная. Мы дома тоже каждую осень рубили капусту, секли в мелкое крошево хрустящие, вкусно пахнущие вилки. Я тятала и тятала, вкладывая в удары всю свою обиду и злость, про себя, в такт, непрерывно приговаривая:

– Вот гад! Так же нечестно! Я только правду сказала. Я же умею! Я умею! Гад он, гад тонкогубый!

И, сама не осознавая, интуитивно переводила ритм ударов в морзянку, дублируя сказанное. Не все ли равно в каком ритме рубить эту нескончаемую капусту? В глазах стояли горькие слезы обиды и капали в корыто. Я шмыгала носом и все повторяла свои мысли в знакомом ритме ударов. Это не ключ, конечно, но пусть так, пусть! И вдруг услышала за спиной насмешливый низкий голос.

– Так-так... Интересно.

Я обернулась. В дверях пристройки стоял сам начальник школы – я его видела один раз на вводном занятии, но запомнила. Память у меня зрительная тоже хорошая, не только слуховая. Его сопровождал незнакомый мне командир с картонной папкой под мышкой.

– Курсант Ермолаева. Выполняю наряд вне очереди.

– И кому предназначено сообщение?

– Не было никакого сообщения, товарищ начальник школы. Может быть, случайно само что отбилось?

– Случайно? С таким чётким повтором? Ну-ну. И плачешь ты тоже случайно? За что наряд?

Я пересказала, закончив с обидой, непослушно подрагивающим голосом:

– Я ведь с десяти лет на ключе работаю. Умею свою волну находить, и принимать радиogramмы, и передавать.

Я старалась держаться, очень старалась. Голос сам меня подвел. Сам.

– Я тридцать групп свободно передаю, а он заставляет меня опять алфавит учить!

– Сколько? – явно не поверил мне начальник. – Тридцать, если совсем без ошибок. Быстрее уже ошибаюсь. Но если мне дадут потренироваться, то смогу и быстрее.

– А ну-ка пошли со мной.

– А капуста?

– Закончат и без тебя, – он сгреб меня за плечи. – Кружок ОСОАВИАХИМовский посещала?

– Нет. Мы дома, с папой. Он радиолюбитель и еще радист в геологической экспедиции, – и с трудом, со вздохом выдавила: – Был. Вот я вместо него на фронт хочу быстрее.

Пока мы шли, он приказал тому незнакомому командиру.

– Пригласи-ка нам сюда Ламину.

Он завел меня в один из незнакомых мне кабинетов. Первым подошел к столу, оборудованному для ведения радиосеанса, быстро сгреб в одну кучу всё, что на нем было: разные карандаши, ручки, тетради, бумаги всякие, и перемешал их.

Потом отошел и предложил мне:

– Садись. Готовься к радиосеансу.

«Значит проверка? Не поверил на слово? Ну, ладно. Пусть будет проверка».

Я для начала отодвинула в сторону весь беспорядок на столе, расчищая себе рабочее место, чтоб ничего под руками не мешалось. Дотянулась и взяла один из карандашей, который мне понравился больше всего: заточенный с двух сторон, не очень длинный, но и не очень короткий. Разметила под запись лист бумаги, отчертив по линейке его верхнюю часть, а остальное поделила на пять колонок.

Ключ здесь был стандартным, привычным. К нему я только прикоснулась кончиками пальцев, пока мимолетно. Взяла головные телефоны, отрегулировала их по себе и надела, привычно сдвинув на виски. За мной внимательно наблюдали.

«Вроде бы я все правильно сделала? Ведь правильно! Чего ж он так смотрит-то на меня?»

Вошла круглолицая, рыженькая, вся в россыпи крупных веснушек, девушка. Доложила о прибытии. Села за стол напротив и вскоре обозначила свою готовность. Я еще разглянула на стол перед собой. Все вроде нормально.

И тоже подняла руку:

– Курсант Ермолаева к работе готова.

– Приступить к работе. Курсант Ламина, передача на полную скорость. Курсант Ермолаева – на прием. И сам тоже сел за стол, послушать.

Рыженькая вела передачу ровно, четко, вполне уловимо. Цифровыми группами. А потом открытым текстом. Но куда ей по скорости до моего папы! Поэтому я приняла радиogramму играючи. Отстучала о приеме. И отдала листок проверяющему. Он остался доволен. И теперь уже передо мной лег листок с текстом, который нужно было передать.

«Ха! Рыженькая за мной не успевала! Совсем не успевала. Уже три раза она просила повторить.»

И я, жалея ее, понизила скорость.

Пока я вела передачу, число наблюдателей прибавилось. Теперь военных было уже четверо. Даже наш тонкогубый инструктор присутствовал.

Интересно, сам пришел? Или его вызвали?

Я была уверена, что все они самым внимательным образом следили за каждым моим движением: как сижу, как пишу, как пальцы на ключе держу, какие эмоции на лице читаются. Ну и пусть! Пусть смотрят.

А меня заставили сесть в пару с тем самым нашим инструктором. И я, злорадствуя в душе, выдала ему такую скорость передачи, что он сдался уже на третьей группе, запросил пощады. Так ему и надо! А то он здесь алфавиту меня

учить собрался!

Затем мне предложили передать радиограмму на максимуме моей скорости. И время собрались засекают.

«Ой, только бы не сбиться! Только бы не сбиться!»

Как потом выяснилось, выдала я им сто шестьдесят пять знаков на смешанном тексте с одной ошибкой. Это 33 группы, если что. Сама не особо ожидала такого результата.

– И что нам с тобой теперь делать? – спросил меня начальник школы.

– Доучить, чего не знаю, и быстрее на фронт! – нисколько не сомневаясь в себе, четко выдала я.

– Как у тебя с шифрованием?

– Почти никак, – погрустнела я, – Папа общие фразы говорил только. Что есть определенные таблицы, на которые накладывается текст сообщения. А потом всё высчитывается сложением или вычитанием. И переводится в цифровые группы.

– А папа у нас...? – вкрадчиво поинтересовался начальник.

– Я же говорила. Радист-геолог, радиолюбитель-коротковолновик. – вздохнув, добавила горько. – В сентябре похоронка пришла. Вот, я теперь за него. Я с десяти лет ему радиограммы передавала, когда он в экспедиции уходил на весь сезон. Я умею немного. И как волну нужную искать, и на прием работать, и на передачу. Но только открытым текстом. Вот. – Нужно подумать, что с тобой делать. – Посадить

ее против выпускников, гонор с них согнать немного, – весело предложил один из преподавателей.

И меня отпустили.

Я вышла, держась как натянутая струна. Сделала несколько ровных и четких шагов от двери и... поскакала по коридору веселым козликом. Да! Я им всем показала!

На лестнице я почти налетела на нашего завхоза. Ойкнула, извиняясь, отстранилась, уступая дорогу. И ссыпалась вниз по ступенькам таким же радостным прискоком.

А вечером стояла около высокого подоконника и писала письмо домой: «Здравствуйте, бабушка, тетя Фира, Сарочка и Яша. И дядя Миша тоже. Как вы там живете? Как бабушка? Наладилось ли у нее здоровье? Теть Фира, справляешься ли с хозяйством? Теперь новости. У меня все хорошо, доехала нормально. Кормят хорошо. Занимаемся, занимаемся и занимаемся. Мозги в разнос. Но мне всё это нужно будет очень. Оказывается, я очень много еще не знаю. Поэтому стараюсь как могу. Вспоминала тебя, тетя Фира. Нам форму выдали, и всё не по размеру. Девушки помогли подогнать, мне же вовсе велико всё было. Но теперь более-менее приемлемо. Если бы не строевая подготовка, учиться было бы вообще отлично. Но армия, она такая, шагаем и маршируем. В воскресенье занятия только до обеда. Ходили в увольнительную в город. Здесь очень красиво. Дома большие. Волга очень широкая. Хочется съездить на Стрелку. Это место та-

кое, где Ока с Волгой сливаются. А у них, рассказывали, у двух рек, вода разного цвета, и не сразу смешивается. И это явно видно, особенно в солнечную погоду. Это, говорили, очень красиво. Успеть бы увидеть до ледостава! И еще там, говорят, красивое большое здание Нижегородской ярмарки. И виден на том, другом, высоком берегу старинный Кремль. Там я еще не была нигде. Но я обязательно посмотрю. Я должна успеть всё это увидеть перед отъездом. Дяде Мише передай спасибо за всё, и особо за сапоги. Мне все девочки завидуют. И парни тоже. У них кирзачи у всех или ботинки с обмотками. Такие, как у меня, сапоги только у преподавателей. И то не у всех. За меня не переживайте. Девушки у нас хорошие, все меня старше. Нам еще долго учиться. Скучаю немного по дому. Пишите мне, буду ждать. Маме, если будешь писать, смотри, не проболтайся в письмах про меня. И про папу тоже. Пусть он хоть для нее пока живым будет. А может, и врут? Бывает, похоронки зря приходят, по ошибке. Нужно просто подождать. Время придет, я сама ей напишу. Если она писала мне, перешли ее письмо сюда. С горячим курсантским приветом, обнимаю всех. Анна».

Вот! Пусть летит мое первое военное письмо. Пусть побыстрее вернется с ответом!

Наша группа, то есть взвод, выдвинулась с занятий в столовую. Я отделилась, забежала в казарму, чтобы забрать последнюю банку тушенки. Дважды уже проделывала этот но-

мер: вскрывала банку и плюхала ее в кастрюлю с жидковатым супом, что ставили на стол для нашего взвода. Тушенку тщательно там разбалтывали. Получалось очень даже вкусно. Не буду же я в коллективе тушенку в одиночку жрать. Не по-людски получится.

Колбасу мы разделили на всех на третий день. Вышло по толстенькому кусочку. Вкуснятина! Спасибо тебе, дядя Миша. От всех наших девчонок спасибо.

Я заскочила на свой второй ярус, дёрнула на себя вещмешок. Он подался слишком легко. Что такое? Сунула внутрь руку. Пусто... Как же так? Остался сверток с бельем и портянками, и аптечка. А продуктов не было: ни тушенки, ни рыбных консервов, ни мешочка с сахаром. Спёрли! Сегодня и спёрли, пока мы на занятиях были. Утром всё на месте было. Но как же так?!

В столовую я вернулась грустная. Когда рассказывала нашим о краже, голос заметно подрагивал. Лишь бы не разреветься. Обидно же! Но военным плакать не положено. Я бы сама жаловаться ни за что не пошла. Так бы досаду и проглотила. Но Маша, вечная наша поборница справедливости, немедленно подняла на уши преподавателей.

Нас, всю женскую казарму в полном составе, выстроили сразу после обеда. Для начала нам прочитали короткую, но гневную лекцию о недопустимости подобного поведения для комсомолок и курсантов. А потом предложили виновнице, а никто даже не сомневался, что она среди нас, доброволь-

но сдать украденное. Естественно, все стояли, перешептывались и никто не сознавался.

Тогда нам объявили, что мы будем стоять здесь до тех пор, пока не приедет милиционер с собакой-ищейкой. А так как к мешку прикасались только я и вор, то найти последнего не составит труда. Но тогда вор сядет в тюрьму. И надолго. И еще раз предложили сознаться добровольно. Чтоб без тюрьмы обошлось.

И она вышла. Красная, как свёклина, полненькая девушка из третьего взвода, что всегда сидела за соседним столом. Она вместе с их инструктором отправились доставать захоронку. А мы стояли и ждали, недоумевая. – Но как же так? Как можно? Жить вместе, обедать рядом и украсть?

Я пыталась вспомнить ее имя и не могла. Я знала только, что она спала на противоположном ряду от меня, чуть ближе к дверям. Визуально это помнила, но и только.

Внесли стол, поставили посередине и вытряхнули на него содержимое вещмешка, спрятанного, как выяснилось под лестницей. И предложили всем, у кого что пропало за последнее время, подойти и посмотреть наличие своих вещей.

Как оказалось, пострадала не одна я. Воровка тащила всё: зеркальце, красивую расческу, мыло, носочки... Мешочек с сахаром оказался значительно больше, чем у меня, значит, она ссыпала туда добычу и с других краж. Мне было не по себе – так стыдно, что оказалась замешана в таком отвратительном деле.

Виновницу исключили из комсомола и отчислили из школы. А консервы мы съели всей группой тем же вечером. Я велела всем принести с ужина по куску хлеба, вскрыла обе банки, размяла содержимое ложкой и выложила каждой поровну на кусок. Нет больше консервов и прочей еды, значит, нет и соблазна.

И потянулась учеба наша дальше. Шесть часов занятий до обеда, шесть – после. Мы изучали разные рации: «Белку», «РБ», даже немецкие модели фирмы «Телефункен»: «Торны» разные. Основной упор в изучении был на рацию «Север» и «Север-бис». Они немного отличались друг от друга диапазоном частот, выходной мощностью передатчика (у «Биса» она чуть больше), – и возможностью работы на фиксированных частотах. Именно на этой рации скорее всего придется работать тем, кто попадет в партизанские отряды и за линию фронта.

И мы учились. Каждый проводок или лампу внутри знали наизусть. Я по крайней мере выучила: где, что, откуда и как починить, если что сломается. Даже паяльничком попользоваться дали, попробовать, как его в руке держать – маленький такой, который даже в углях костра нагреть можно или на спиртовке. Удобный. Только бы всерьез не потребовалось его применять! А здесь можно и нужно научиться всему, чтоб сама смогла все сделать.

Два раза в неделю с утра проводились политинформации. Рассказывали о положении на фронтах. Серьезное положение

ние. Немцы всё пёрли и пёрли. Зачитывали нам статьи из газет. Проводили отдельные тематические занятия.

Мы, комсомольцы, отзывались на эти новости горячим желанием поскорее закончить с учебой и отправиться на фронт.

А пока разное оружие в наших руках оказывалось только на уроках, где учили его разбирать и обратно собирать. А еще, тяжелое и грозное, в виде заряженной винтовки со штыком, когда вставляли в караул.

Да, мы еще и охраняли военные объекты, коих недалеко от нашей школы насчитывалось немало. Город же не просто тыловым был. Здесь выпускали много чего для фронта. И фашисты об этом знали – старались эти производства уничтожить бомбежками.

На время авианалетов нас будили и бегом отправляли в бомбоубежище. На территорию нашей школы бомбы не попадали, но все равно было страшно. Это я тогда так думала, что страшно, даже сидя внизу, в бомбоубежище, когда все вместе. Ага!

А потом случилось то самое, мое по-настоящему боевое дежурство. В ночь с пятого на шестое ноября. Как раз перед Октябрьскими праздниками. Я заступила в караул у какого-то длинного кирпичного здания, похожего на склад. Что там внутри – неизвестно, мне не сообщали. Но видимо что-то важное, если караул полагался.

Я стояла с тяжелой винтовкой на плече и думала:

«А вдруг какой гад сейчас ползет к складу? Это мне что, стрелять? В живого человека стрелять? Вот так, прицелиться и убить? Неужели я смогу? Страшно. А надо будет. А может, никто и не придет. Хоть бы никто не пришел!»

Вот так стояла и сама себя накручивала, напряженно прислушиваясь к каждому шороху.

А перед самой полночью начался авианалет. Тут мне стало не просто страшно, а жутчайше жутко. Это когда в небе невиданными мной ранее и такими красивыми люстрами повисли, озаряя мертвенным светом всё под собой, медленно спускавшиеся осветительные бомбы. Или как их там правильно? Чтобы немецкие летчики видели, что там под ними внизу и знали, куда конкретно нужно бомбить. И звучал зловеший пробиравший до печёнок вой пикирующих самолетов. А еще мельтешение в ночном небе ярких скрещений прожекторных лучей и следов от частых зенитных выстрелов.

Защитники города не спали. Но немецких самолетов было так много! И всех сразу их было не сбить. Стоял грохот от взрывов. Недалеко где-то бомбы падали. Даже земля под ногами вздрагивала. Наверное, ей тоже страшно было. Вспыхнувшее слева, очень даже близкое зарево от попадания, становилось всё ярче.

А вдруг следующая бомба упадет прямо на меня, на этот самый склад? Или сразу много бомб? И от меня ничего не

останется. А я ведь даже повоевать не успела! Мамочка! Как жутко! И не уйдешь. Не убежишь. Даже в комочек не сожмешься. Часовому нельзя. Только и остается: по кирпичной стене распластаться, прижаться к ледяному камню спиной и, задрвав голову, смотреть в это, смертью дышащее, воюющее небо.

Неужели так бывает: страшно очень и красиво одновременно? Как это может так совместиться? Красота смерти? Ведь там, куда упадет бомба – смерть всему живому... Наверное, все вдрызг? Бомбят уже не Автозавод. Бомбы ложатся где-то рядом, в Сормове. Куда они метят? В какое предприятие?

Как фашисты сумели долететь? Ведь до фронта еще далеко. А они долетели, и их много. Очень много вражьих самолетов в нашем ночном небе.

А вдруг какой злоумышленник под прикрытием этого налета уже лезет вредить? Успею ли я его заметить, прежде чем он меня убьет?

Кажется, я даже тихонечко поскуливала от ужаса, и губы у меня дрожали. А пальцы на винтовке окончательно занемели. Но я не жмурилась, смотрела всё-таки. По всему вверенному мне участку напряженным взглядом непрерывно шарила. Как я тогда смену отстояла, до сих пор не знаю...

В конце ноября случилось то, чего я никак не могла пред-

видеть, даже во сне.

В воскресенье, когда мы учились только до обеда, Маша пошла в увольнение. И пошла не одна, с тем самым парнем из мужского отделения сорокового ОЗРБ – это наш Отдельный Запасной РадиоБатальон, если что. И к назначенному времени они не вернулись. Пришли, говорят, уже после отбоя.

Больше я Машу не видела. Сначала их отправили под арест на 10 суток. А потом отчислили за нарушение дисциплины. Даже попрощаться не получилось. Не пустили меня. Как мне потом удалось узнать, они просто заблудились в городе. Сели не на тот трамвай и уехали совсем в другую сторону. А где садились, не запомнили название остановки. Поехали обратно и не узнали места – опять уехали не туда. Затем просто пошли пешком, спрашивая прохожих, где находится Сорново. Вот и получилось то, что получилось.

Обидно за Машу. У нее только-только начало выходить с азбукой Морзе! Она так долго мучилась, запоминая напевы звучащего алфавита. Я ей по вечерам повторяла эти напевы, мною с раннего детства до автоматизма вызубренные. Напоминала, что если в напеве «а» или «о» звучит, то это точно тире, а остальные гласные, это – точки. Например: Д – Доо-ми-ки – тире и две точки. Или М совсем просто – Маа-маа – два тире. И по доскам нар, теперь уже с постельными принадлежностями, не раз, очень медленно пальцем ей все это отстукивала. И вот на тебе! Осталась я без подружки.

Так близко, как с Машей, я уже ни с кем и не сошлась. И грустила о ней, даже когда нам показывали кино или своими силами подготовленный концерт, как на Октябрьскую, когда мы еще были вместе. Или Новый год, который пришлось встречала уже одной.

На праздники нам устраивали танцы под патефон. Я это мероприятие категорически не любила, потому что совершенно терялась на фоне наших девушек-красавиц, фигуристых и представительных. Не то что я, мелкая, серая, плоская фитюлька. Меня и не приглашали почти. Обидно.

Тетя Фира переслала мне два письма от мамы сразу.

Бедная моя мамочка! Она же, пребывая в полном неведении, интересовалась как я учусь, тепло ли одеваюсь? Поменяла ли осеннюю обувь на зимнюю? (Да, мамочка, да. Я учусь хорошо. Мне никак нельзя, чтобы плохо.)

Мне было проще, я в школе с физикой дружила, поэтому не плавала в полном неведении, когда нам рассказывали о принципе прохождения радиоволн. Почему короткие волны короткими называются, а длинные – длинными. Я, действительно, всё понимала. Могла внятно пересказать. И даже нарисовать. Сама удивлялась, как в моей голове успевал откладываться такой большой объем знаний, что в нас скоростным образом пытались вложить. Одеваюсь, мама, я тепло. (Шинель, она теплая и длинная. Когда в карауле стоишь, колени не мерзнут.) А варежки у меня домашние, хорошие,

темно-бурье. С козы нашей, которая Буся, зимний пух начесан. Бабушка вязала.

После Нового года мы уже считались опытными курсантами. Осталось нас из первоначального состава на восемь человек меньше. Четверых отчислили за непригодность к ведению высокоскоростной передачи. Одну за воровство. Двоих по болезни. Машу – за нарушение дисциплины.

Мы уже успели изучить и рации, и ремонт, и оружие разное, включая гранаты и мины. И даже прыжки с парашютом. Правда, только теоретически, но вызубрили всю последовательность действий так, что от зубов отскакивало – хоть осередь ночи спросите.

Меня в середине января неожиданно вызвал к себе начальник школы. Шла и беспокоилась: зачем вызвали? Вроде бы я ничего такого в последнее время не вытворяла, чтоб на разбор попасть?

В кабинете, кроме начальника, сидел такой же как он, седой командир. Плотный сбитый, с резкими, будто вырубленными чертами смугловатого лица. Вроде бы капитан? И оба внимательно смотрели, как я докладываю о прибытии.

Я увидела, как незнакомый командир удивленно поднял брови и возмутился: – Я просил лучшего радиста с выпуска, а ты мне кого предлагаешь? – Она лучшая, поверь. От сердца отрываю. У меня на нее были совсем другие планы. Но там документы на нее уже для тебя оформляют. Поздно назад

откатывать.

Мне было и обидно, и лестно одновременно. Я стояла по стойке «смирно» и ждала, не совсем понимая сути происходящего. Ведь у нас до выпуска еще недели две, как минимум.

А незнакомый командир вдруг спросил – Как у тебя с немецким, курсант? – Нормально у меня с немецким. Понимаю. Разговаривать умею.

И немедленно выдала четкой скороговоркой на немецком:

– Моя домашняя учительница, фрау Эсфирь, говорила, что у меня вполне чистое произношение и скорость понимания вражеской речи, поэтому я вполне могу вести синхронный перевод. – Так что ты раньше молчала!?! – начальник школы изумился. – А меня никто о немецком и не спрашивал. Папа мне приказал разговорный вариант усиленно учить еще в сорок первом. Он говорил, что язык врага нужно знать как можно лучше. Вот я и учила. – Языка допросить сумеешь? – это уже незнакомый командир, немного подобрев, спросил. – Сумею, если он не глухонемой. Начальник школы сразу же предложил своему гостю, судя по из расслабленным позам обоих, – хорошему знакомому:

– Послушай, если она так тебе не понравилась, давай, так уж и быть, назад отыграем. Сейчас я кого-нибудь другого тебе подберу. Скорости передачи, такой как у нее, конечно, не будет. Но девушку попретставительней на вид обеспечу однозначно. А ее – в другое место... – и сделал многозначительную паузу – им таких очень надо, чтоб язык знали. – Ну,

уж, нет! Сам сказал, что она – лучшая. А теперь отобрать хочешь? Мне со знанием немецкого самому нужна. Не отдам. – и спросил у меня вполне дружелюбно и даже задорно: – В разведгруппу радисткой согласна? – Так точно, товарищ капитан! – звонко ответила я.

Разведгруппа – это вам не штабное захолустье. Не полутыловое радиообеспечение. Это настоящий фронт! То, чего я и хотела!

Меня скоростным образом аттестовали. Сдала я всё сходу и очень бойко. Я же все это знаю, чего бояться? Хотя перед началом дрожала, аки заяц.

Покидала я Радиошколу этим же вечером в звании старшего сержанта. (Ух, ты! Старшего не всем присваивали. Значит все нормально я выучила.) Капитан расположился в машине на переднем сиденьи, а я – на заднем. Я уже знала, его зовут Александром Васильевичем. А фамилия у него Кравцов. Надо же о будущем начальстве хоть что-то знать. Наш путь лежал на аэродром, а оттуда – на Запад, на фронт.

Ура! Наконец-то!

4 На фронт! *Январь 1943г.*

действующая РККА,

Северо-Западный фронт

Если я умру, так точно не от скромности, – сев в маши-

ну, взяла да и попросила завезти меня на вещевой рынок. Все-таки январь, морозище стоит, а я в сапогах. Валенки, конечно, мне выдадут, обещали, но какие – неизвестно. Помня еще, как мы ушивали под себя всю форму, я предпочла бы купить обувь на свою ногу. Тем более, что деньги у меня были. Опять дядя Миша сюрприз преподнес. Когда мы допили весь чай из жестяной коробочки, на ее дне обнаружилась белая тряпочка, а в ней – свернутые купюры.

Мой сопровождающий посмотрел на часы, что-то прикинул и скомандовал водителю ехать на рынок.

Валенки я себе купила шикарные! Серые, подшитые, мягкие самовалки с кожаными запяточниками и носками. Иногда такие кожаные заплатки ставят на рваную обувь. Но я проверила изнутри. Нет, все цело. Да и не похожи они были на ношенные. Продавец, коренастый низкорослый старичок, сказал – износу не будет. И я ему поверила. Похоже, не врал. Цена у валенок была немаленькая, но они того стоили.

Сопровождавший меня капитан отстал немного, задержался у одного из прилавков. Тоже что-то себе приглядел и теперь внимательно рассматривал. Я прошла чуть дальше по ряду и поняла, чего я еще хочу купить – платок пуховый. Мне нужна была не ажурная парадная паутинка, которую, как говорили, в кольцо обручальное можно протащить, и весь платок в гусиное яйцо спрятать. Мне – для тепла.

Пуховыми изделиями торговали сразу три женщины. Правда, у одной были изделия из кроличьего пуха: чисто бе-

лого и серого. Я его хорошо отличала. Бабушка иногда вязала из такого, далеко его покупать ходила – в старый город. В нашем железнодорожном поселке таких кроликов никто не держал. Из трех продавщиц я выбрала одну, пожилую женщину. Приценилась. М-да! На платок денег точно не хватит. Может, хоть косынку купить удастся. – Да ты торгуйся, торгуйся, дочка, – по-доброму улыбнулась мне продавщица. – Платки у меня не перекупленные. Сама вяжу. Дочка с мужем в Чкалове живет – бывший Оренбург, сами коз пуховых держат. Оттуда она мне пух шлёт. Да ты возьми, потрогай. Не на простую нитку напрядая, отдельно пуховую нить тяну. Да что хоть столбом стоишь, молчишь? Вот молодежь пошла! Скажи уже, кому платок нужен? Вот, если бабушке, то ей лучше такой вот взять, – она выложила на прилавок большую шаль. – А если...

– Себе нужен. Мне хоть косынку бы. Я на фронт сегодня. Только у меня денег мало уже осталось. – Ой, дочка, такая молоденькая и на фронт! Медсестрой, небось?

– Радистой, – буркнула я и выложила на прилавок все деньги вместе с мелочью. – Вот. Здесь всё. Больше нет.

– А мать-то хоть как тебя отпустила?

– А она сама на фронте. С самого начала. Врач она. – и уточнила. – Хоть на маленькую косынку хватит? – Ой, дочка, каким именем тебя крестили?

– Анна.

– Ты, Анечка, крестик-то нательный не забыла надеть?

– Какой крестик! – искренне возмутилась я. – Комсомольцам с религией не по пути.

Лягнула и запоздало подумала: вот сейчас как обидится и не продаст ничего. Или цену задерет до небес.

Но женщина продолжила допрос:

– А бабушка за тебя молится?

– Нет. Ей не до молитв сейчас. Она после всех похоронок не в себе совсем.

Я заторопилась, намеренно соскальзывая с болезненной для меня темы на злободневную:

– Хоть на какой, пусть на небольшой, хватит? Могу еще продуктами немного добавить. Мне паёк на дорогу выдали. Сахар весь отдам. Сало и соль тоже всё отдам. А хлеба – только если половину. Потому что мне, если совсем-совсем уже ничего не есть, то тяжело придется. Да вы посмотрите: хорошие продукты. Сахар чистый, кусковый, – я решительно потянула вещмешок с плеч.

– А ну, стой! – скомандовала мне продавщица. – Нечего тут передо мной котомкой своей трясти! Забирай.

И протянула мне через прилавок шаль: шикарную, темно-коричневую, плотную.

Я робко приняла это богатство, и пальцы утонули в легких завитках козьего пуха.

– Так она ж, такая, уйму денег... – растерянно пробормотала я. – У меня на такую совсем никак не хватит...

– Не причитай мне тут! – припечатала голосом торговка. –

Остальное ты мне немчурой отдашь. У меня у самой три похоронки дома лежат. Вот за каждую похоронку ты мне втрое и отдашь. Как девятых прикончишь, скажи на ветер: «Баба Маня, я рассчиталась». Я услышу. Где бы ты ни была, я услышу. Договорились?

– Договорились, – я утверждающе кивнула, понимая, что выпустить из рук шаль уже не смогу, и сняла вещмешок, чтоб спрятать покупку.

Вдруг продавщица, что помоложе, сказала:

– Подожди. Вот держи. – и подала мне шапку, тоже пуховую, кроличью, темно-серую, с широкими, не очень длинными ушами. – Муж писал, что такие хорошо под каску надевать. И не холодит, и мягко. А уши вокруг шеи обмотаешь, чтоб горло не продуло. Я мужу такую же недавно послала.

– Так у меня теперь шаль есть.

– А ты баб Манину шаль – на спину. На шее завяжешь или под мышками, по спине спустишь, и в штаны заправишь. И поясница в тепле, и ниже. Ты же ведь девушка, тебе же еще замуж выходить и детей рожать. Нельзя тебе студиться.

– А расчет? У меня ведь денег совсем больше нет. Продуктами возьмёте?

– Тоже немцами, – категорически отвергла женщина мой дорожный паёк. – Хоть пяток, но и за меня убей.

– Постараюсь. Как получится. Я еще не пробовала как это... – неуверенно пообещала я.

И запоздало добавила.

– Спасибо вам.

Я уже видела, что мой сопровождающий подходит к нам, и поторопилась упаковать покупки.

– Сынок, – окликнула его третья бабушка, что стояла чуть дальше с ажурными шальями. – Ты тоже на фронт сегодня?

– Так точно, мать.

И спросил у меня:

– Купила, что хотела? Пошли уже. Время.

– Подождите, – ухватила его за рукав старушка. – Скажи сперва, сынок, как тебя зовут.

– Александр я. А зачем Вам?

– Молиться за вас обоих буду. А еще вот, – она вытащила из кармана кошелёк, покопалась в нем и протянула нам по пятикопеечной монетке. – Держите.

И каким-то немного торжественным голосом объявила.

– Деньги вам в долг даю. Как немчуру эту поганую разобьёте, придёте сюда и должок этот мне отдадите. Я всегда здесь торгую. Тетя Таля меня зовут.

Мой сопровождающий сразу спрятал денежку в карман и улыбнулся:

– Спасибо мать, выручила.

А я всё рассматривала темную монету на ладони:

– А если потеряю?

– Да делай с ней, что хочешь: теряй, трать по желанию. Только всё равно помни, что ты мне денег должна. А долги отдавать нужно.

– Отдам, тетя Таля. Вернусь и отдам.

– Вот и ладненько! – обрадовалась торговка. – Вот и ладненько.

А потом мы летели на грузовом транспортном самолете и долго тряслись на полуторке. Причем, летела я впервые и поэтому пыталась запомнить все ощущения. Одно могу сказать сразу: страшно было. Жёстко. Холодно. Шумно. И уши закладывало. Когда пересели на машину, вздохнула с облегчением: жива осталась. По дороге заночевали где-то, в тесной избе. Солдаты там на полу впокат спали. Мне выделили лавку под окнами. Спать было плохо, неудобно. И всё-таки страшно. Зато согрелась хоть. Утром, как рассвело, опять поехали по зимнему бездорожью.

Так что ко времени встречи с моим будущим непосредственным командиром я была уже окончательно измотана слишком обильными для одного дня событиями, но зато уже переодета из шинели в великоватый мне ватник. Эх, прощай, первая моя шинелька. А я к ней почти привыкла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.